

Уроки Горького

Бор. АГАПОВ

Не было в истории известных нам литератур писателя, деятельность которого была бы столь тесно связана с борьбой народа огромной страны за свое освобождение. Не было в истории писателя, творчество которого было бы столь важно для успеха в борьбе народных масс за свободу, за власть, за построение нового мира.

Горький был одним из тех гигантов, от кого начинается отчет своих времен новое человечество. Ибо если марксизм-ленинизм, как наука, отобразил закономерности экономических формаций и условия перехода их из одной в другую, то творчество Горького, как искусство, отразило душу народа в самый ответственный момент его истории. Наука дала рабочему классу тактику и стратегию борьбы; творчество Горького, его предшественников и возле него стоявших помогло пролетариату почувствовать себя героем истории, будущим победителем, а это немало для победы.

Писатели, работающие в публицистике, в очерке, в научно-художественном жанре, могут сказать, что именно Горький поднял эти виды литературы и больше, чем кто-нибудь, потрудился, чтобы выпестовать их для новых, особых условий социалистического общества.

Горький работал над очерком и публицистикой всю жизнь.

Он начинал как газетчик, обозреватель в провинциальной печати, и уже там, у истоков своей литературной работы, столкнулся с таким элементом литературного творчества, как жизненный факт, информация, с такими методами, как монтаж фактов, смысловое сопряжение их между собой. До конца жизни он сохранил глубокий интерес и уважение к факту, к материалу, к документу, к публицистическому применению этих материалов.

Однако Горький никогда не был ни рабом фактов, ни жрецом их. Наоборот. Думаю, что в истории художественной публицистики нет более абстрагированных от точных фактов произведений, чем памфлеты Горького, такие, например, как «Мои интервью». По гиперболичности, условности, фантастичности они продолжают традицию Свифта и Вольтера, по революционной остроте являются высшим образцом пропагандистской боевой литературы. На-

писанные почти полвека назад, они до сих пор не утратили своей взрывчатой силы. И такие, например, как «Один из королей республики», могут быть напечатаны и сейчас на газетном листе с полверсткой из последних сообщений о деятельности американцев в Азии, в Европе, да и у себя в стране. Вспомните «Город Желтого Дьявола», где очень точные, предметные впечатления от виденного подняты на высоту такого пафоса отрицания и осуждения, что факт сам превращается в символ, документальный кадр, мелькнувший среди других, получает силу широчайшего обобщения.

По силе выражения, по размаху обобщения эти очерки граничат с другим видом горьковской публицистики — с такими произведениями, как «Песня о Соколе», как «Буревестник».

Патетические и памфлетные произведения Горького важны для нас еще и потому, что показывают, как широка может быть палитра публициста, какое разнообразие форм может он создавать в зависимости от условий времени и целей, которые он перед собой ставит.

В очерках Горького даже пейзаж, казалось бы, самая «смирная» часть художественного произведения, всегда направлен, устремлен к выражению идеи или страсти автора. В том и состоит основная особенность горьковских очерков и публицистических работ, что главной движущей силой их является страстная идея, которая находит свое выражение то в пейзаже, то в диалоге, то в портрете, то в прямом публицистическом высказывании.

Мы люди страстные, мы страстно ненавидим и будем пристрастны, — писал Горький.

Мне кажется, что это есть свойство, необходимое для каждого публициста, очеркиста. Между тем, как часто бывает, что, читая очерк, мы чувствуем, что ничего-то автор не любит, ничего он не хочет, ничего не ненавидит. И тоскливо становится и отгадываешь книжку, а часто и думаешь: прости, господи! — скучища эти «очерки»!

Все, что представляло Горькому в его встречах, путешествиях, чтении, — все тотчас было охватываемо руководящими мыслями, сопутствовавшими ему всегда и с молодых лет. Необыкновенное единство идей пронизывает все, что он писал, — от повестей и пьес до личных писем.

Хорошо, когда эта черта горьковского

творчества бывает воспринята нашими литераторами. Я вспоминаю, как еще году в 1947 Валентин Овечкин напечатал в «Правде» очерк «Думы об урожае», в котором с величайшей горечью было рассказано о том, как зазналась прославленная зензевая и как целый колхоз пострадал от того «культа личности», который был раздут вокруг этой женщины. Через несколько лет Овечкин выступил со своими очерками о Борзове. Когда читаешь их, кажется, что кулаки набухают против этих, как Борзов, «руководителей» советской деревни. Да, единая страсть обуревает Овечкина, единая главная идея — колхозное богатство. Она освещает его работу, движет его пером, подсказывает наиболее плодотворную форму выражения...

Как видно, эта горьковская черта очень существенна в работе очеркиста!

Каковы же были те основные идеи и страсти, которые освещали Горькому его творческий путь? Главная была в том, что человек прекрасен и могуч. Мысль о прекрасном человеке для Горького была неотделима от мысли о партии коммунистов, которую он считал призванной и единственно способной повести человечество в бой против мещанства и победить. Человек прекрасен по сути своей, и художник должен отбирать прекрасное в человеке и показывать его миру.

Этим летом мне случилось побывать у известного английского писателя Олдриджа. Там я познакомился с голливудским сценаристом Стюардом. Он эмигрировал из Америки, так как терпел там жестокие гонения от маккартистов. Стюард сказал:

— Я думаю, что, оставаясь реалистом, американский писатель сегодня неминуемо должен изображать людей упалочных, людей безнадежности и цинизма. Иной литературы в Америке быть не может, ибо такова реальность.

Лучшим ответом на эти слова было бы творчество Горького до революции.

Человеконенавистничество, безнадежность, снобизм, фатализм — все это вещи одного порядка, и в большинстве случаев выражением их в искусстве является натурализм, будет ли это гнусный Селин или изысканные «различные Хемингуэй», как говорил Горький, — безразлично.

«...Натурализм как прием не есть прием борьбы с действительностью, подлежащей уничтожению», — вот его ответ Стюарду, хотя он цитировал из письма к одному из наших писателей.

Прекрасный и свободный человек должен переустроить землю, преобразовать природу для себя, для своего счастья. К этому ведут руд и наука — «выше этих двух сил нет ничего на земле». Идея «вто-

рой природы» была одной из любимейших идей Горького.

Он видел в науке и технике тему для художника. В том, как вещество изменяется посредством включения в него человеческой энергии, он видел поэзию.

В сущности, он был инициатором советской научно-художественной литературы.

Венцом всего человеческого Горький считал труд. Его животворящей силе посвящено у него много прекрасных страниц.

Таковы, как мне кажется, главные идеи, главные страсти, которые одушевляли Горького в его творчестве, в его деятельности в течение всей жизни.

Наличие у творческого человека своих пристрастий, своих любимых и дорогих идей обязательно. К сожалению, немало литераторов, работающих в области очерка и публицистики, имея даже какую-нибудь специализацию, бывают лишены горячей любви к ней, обладают известными знаниями, но только потому, что это необходимо для их ремесла. Немало и таких, которые не пытаются воспитать в себе эту страсть, не работают над тем, чтобы любимые их идеи были оснащены обширными и глубокими знаниями. Вот почему так однолинейны, так узки бывают иногда творения очеркистов.

Большие страсти, большие мысли порождают и своеобразие формы.

Возьмем наугад некоторые черты мастерства Горького-очеркиста.

Прежде всего это — свобода ассоциаций, когда писание развивается не так, как развивается художественное повествование, — во времени, а скорее так, как это бывает в лирике и в художественной публицистике, например в «Былом и думах» Герцена. Это дает движение вещи. Там, где никакого действия не описывается, возникает, однако, действие. Это действуют не герои произведения, а сам автор, стелющаяся разнолежачие идеи, заставляя один образ возбуждать энергию другого.

Так, в очерках Горького, посвященных строительству Днепрогэса или Мурманску, рядом с картинами могущества человека, рядом с любимой мыслью писателя о переустройстве природы для человеческого счастья возникает другая любимая его идея: могущество слова, которое как будто и не более чем сотрясение воздуха, а на деле движет горами и дробит камень предрассудков и суеверий.

Конечно, надо иметь право на такую свободу. Но многие ли у нас стремятся это право зарабатывать?

А между тем мы с таким правом лучше дойдем до читателя. Читателю интересно,

когда автор повествует ему о своем, от сердца идущем, любимом. Когда автор мыслит широко, говорит вольно. Тогда и слова у него иные — хваткие и жаркие.

Документальный портрет. Это одна из интереснейших и поучительных сторон мастерства Горького. Это вместе с тем одно из самых слабых мест в работе наших очеркистов. Как часто бывает, что, читая очерк о людях, мы так до последней строки и не видим их, не ощущаем, как живых людей.

Я не помню у Горького описаний внешности, которые ограничивались бы только живописными чертами. Хотя в них всегда присутствуют точно сделанные подробности зримого, но они соединены с другим — с сопоставлениями и заключениями о внутреннем существе описываемого. Глядя на человека, Горький не срисовывает его, а размышляет о нем, исследует его, предполагает о нем, сопоставляет его с другими.

Документальные портреты, написанные Горьким, могут показаться очень субъективными, личными.

Лишь изредка касаясь внешности Толстого в известных заметках о нем, Горький передает его суждения, его пристрастия, его реакции на те или иные мысли. Все это как будто случайные наблюдения, беглые наброски. Но вот они накладываются один за другим вокруг Толстого и обрисовывают его силуэт четкой и ясной линией.

Но ведь мысли, слова Толстого выбраны Горьким очень лично, субъективно.

Если мы задумаемся в образ Толстого, который создан Горьким, то мы увидим, что хотя создан он очень лично, хотя в нем и чувствуется даже некое как бы единообразие Горького с Толстым, однако этот образ наполнен объективными чертами, приущими Толстому, как писателю и мыслителю. Та противоречивость Толстого, о которой говорил Ленин, здесь, в изображении Горького, дана в художественной конкретности.

Особенность горьковских документальных портретов в том и состоит, что все они очень личны, что кисть художника, взятый им ракурс, даже фон — все, что видим на полотне, резко индивидуально, как бывают резко индивидуальные манеры портретистов в живописи. И вместе с тем человек, портрет которого он пишет, возникает перед нами в существенных своих, объективно живущих качествах.

Это и есть искусство! Оно — в пережитом, в том, что принадлежит лично художнику, как собственный его жизненный опыт. И тогда — если он настоящий художник — это личное должно стать наиболее объективным.

Как часто мы боимся передать наши личные впечатления о героях наших очер-

ков. Как часто мы не решаемся сделать своих заключений, ленимся исследовать тех людей, которые должны явиться предметом наших описаний! Ведь легче всего притти в восторг от человека — и ему тем обидно и для работы проще. А между тем нередко бывает, что те, кем мы необузданно восторгаемся, на нас сердятся именно за наш восторг!

Эти замечания о некоторых чертах мастерства Горького — о пейзаже, о велении повествования, о портрете — я привел потому, что мне кажется проблемой величайшего значения — проблема литературной формы нашего очерка. От нее зависит действие очерков, их доходчивость, их пропагандистская сила.

**

Из истории известно, что в ответственные моменты развития страны, когда надо было объединить в могучем порыве мысль, волю, дела десятков миллионов людей, когда надо было мобилизовать массы для выполнения сверхтрудных задач, задач, которые многим казались неразрешимыми, именно в эти моменты очерк и публицистика особенно расцветали. Первая вспышка была тогда, когда надо было перестраивать всю экономику страны — когда партия призвала народ к строительству первой, а потом второй пятилетки.

Следующая вспышка очерка и публицистики была во время Великой Отечественной войны. Не было ни одного писателя, который не участвовал бы в огромной работе центральных и военных газет в это время. Наряду с профессионалами очеркистами и журналистами в газетах и журналах выступали драматурги, романисты, поэты, всю силу своего таланта и опыта направившие в это время на создание очерковых и публицистических произведений. Стоит ли говорить, что самоотверженная работа писателей во время войны немало помогла делу разгрома врага.

Но если очерк, публицистика — столь могучее средство мобилизации народа, зачем же отказываться от него и подменять его часто на самых важных участках, в самых животрепещущих темах сухой информацией или так называемыми «деловыми статьями»?

Примеров подобной подмены и вообще недооценки подлинно художественного очеркового материала можно привести очень много.

В мае и июне этого года в «Известиях» были помещены два подвала о строительстве гидростанций на Ангаре и в Каховке. И та и другая станции — крупные сооружения пятой пятилетки, им отдает народ